

Научная статья

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180

Гераклит в философии Ницше: истоки дискуссии (1890-е – 1930-е годы)

Глеб Владимирович Бисеров

Институт философии РАН

Москва, Россия

gleb.bisеров@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4387-0423>

Аннотация

В статье рассматривается ранняя дискуссия о роли Гераклита в философии Ф. Ницше, включающая как относительно известные интерпретации К. Ясперса, М. Хайдеггера и К. Лёвита, так и малоизвестные работы Р. Элера, Э. Бертрама и А. Боймлера. В ходе анализа обосновывается тезис о том, что в 1890-е – 1930-е гг. существенное влияние Гераклита на Ницше считалось неоспоримым. При этом рассматриваемые интерпретации можно подразделить на «аутентичные» (Элер, Лёвит), придающие существенное философское значение рецепции Гераклита Ницше, и «авторские» (Хайдеггер, Ясперс), для которых собственно философское значение рецепции невелико. Обосновывается вывод о том, что рассмотрение особенностей рецепции идей Гераклита у Ницше способно внести вклад в две современные ницшеведческие дискуссии: в дискуссию об онтологической позиции Ницше и в дискуссию о последовательности развития ницшевской мысли.

Ключевые слова

Гераклит, Ницше, Хайдеггер, Ясперс, Элер, Левит, Боймлер, Werden, становление

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90071

Для цитирования

Бисеров Г. В. Гераклит в философии Ницше: истоки дискуссии (1890-е – 1930-е годы) // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 167–180. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180

Heraclitus in Nietzsche's Philosophy: Origins of the Discussion (1890s – 1930s)

Gleb V. Biserov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

gleb.biserov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4387-0423>

Abstract

The paper examines the early discussion on the role of Heraclitus in Nietzsche's philosophy, including some relatively little-known contributions by R. Oehler, E. Bertram and A. Baeumler, as well as more widely mentioned interpretations of K. Jaspers, M. Heidegger and K. Löwith. I show that in the 1890s–1930s the significant influence of Heraclitus on Nietzsche's thought was considered indisputable. However, interpretations of the period can be divided into the 'authentic' ones (e.g., Oehler, Löwith), each of which view Nietzsche's use of Heraclitus thought as significant for Nietzsche's own philosophy, and 'idiosyncratic' ones (e.g. Heidegger, Jaspers), which, by interpreting Nietzsche from their own idiosyncratic perspectives, naturally put less philosophical weight on reading Nietzsche from the standpoint of Heraclitus. This review leads to the conclusion that a study of Nietzsche's Heraclitus can contribute to two contemporary debates in Nietzsche studies: the discussion on Nietzsche's ontological position and to the discussion around the so-called continuity thesis.

Keywords

Heraclitus, Nietzsche, Heidegger, Jaspers, Oehler, Löwith, Baeumler, Werden, becoming

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-311-90071

For citation

Biserov G. V. Heraclitus in Nietzsche's Philosophy: The Origins of the Discussion (1890s – 1930s). *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 167–180. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180

Введение

Предельная амбиция настоящей работы – продемонстрировать, что некоторые современные дискуссии о Ницше могли бы быть продвинуты при внимательном взгляде на рецепцию идей Гераклита у Ницше. Два фундаментальных вопроса можно обозначить сразу: это дискуссия об онтологической позиции Ницше (т. е. есть ли у Ницше метафизика) и дискуссия о последовательности ницшевской мысли (*continuity thesis*), т. е. проходит ли Ницше такие фазы развития, в которых существенным или противоречивым образом меняется его философия. Каждый из этих вопросов является узловым для современных исследований Ницше, причем во многом ранние интерпретации, внимательные к истокам ницшевской мысли, могут оказаться ближе к ницшевской позиции, чем современная дискуссия.

Возможно, в непосредственной хронологической близости к личности Ницше, то есть в 1890–1930-е годы, виделись ясными и истоки его философии. Поэтому, например, отдельно публиковались главы Ницше о Гераклите из «Философии в трагическую эпоху греков»¹ (например, в журнале «Zukunft» за 1894 год [Nietzsche, 1894]), а тема ницшевского понимания Гераклита подробно обсуждалась уже в первое десятилетие XX века. Эрнст Бертрам, Карл Ясперс, Мартин Хай-

¹ Далее – ФТЭ.

деггер и Карл Лёвит – все эти классические интерпретации Ницше выполнены с большим вниманием к Гераклиту. В настоящей статье рассматривается именно эта ранняя дискуссия о роли Гераклита в философии Ницше.

Настоящий обзор ранних интерпретации Гераклита у Ф. Ницше сфокусирован на условном «философском ядре», включающем онтологический тезис Ницше о становлении (*Werden*) и эпистемологические соображения об истине и интуиции. Сфокусированность на рецепции Ницше Гераклита из перспективы *Werden* и интуитивного знания, возможно, выбрана в ущерб рассмотрению других, более широких, в том числе эстетических, антропологических или культурно-исторических параллелей между Гераклитом и Ницше, справедливо отмеченных некоторыми авторами.

1. Зарождение дискуссии: Рихард Элер

То обстоятельство, что Ницше высоко ценил Гераклита, было хорошо известно уже ранним исследователям Ницше, в частности Гансу Файхингеру, автору самой значительной неокантианской интерпретации ницшевской философии (см. [Vaihinger, 1905; Cancik, 1999; Sommer, 2011]). Однако начало специальной дискуссии о роли Гераклита в философии Ницше было положено чуть позднее, в диссертации Рихарда Элера, написанной под руководством Ганса Файхингера и опубликованной в 1904 г. под названием «Ницше и досократики» [Oehler, 1904]. Посвящая Гераклиту основную часть этой работы, Элер использует не только опубликованные труды, ФТЭ и фрагменты, но и лекции о доплатониках, подробно останавливается на тезисе о становлении как онтологическом аспекте философии Ницше и отмечает родство Заратустры с Гераклитом.

Элер впервые помещает Ницше в широкий классический контекст, представляя его как античного мудреца, «проснувшегося» в современности девятнадцатого столетия и возмущившегося увиденным: «...его антихристианское чувство можно было понять как инстинктивное неприятие древним человеком иудея и христианина; основное антипессимистическое настроение его философии связано с его пониманием дионисийского феномена в Греции; антиинтеллектуализм частично восходит к полученному им в ходе его филологических штудий осознанию того, что Сократ означает в мировой истории, что такое сократизм; его суждения о женщинах и положение, которое он им приписывает, полностью соответствуют древним воззрениям; наконец, его страстные аристократические и индивидуалистические наклонности основаны на допущении рабства и социальных условий вообще в классической древности» [Там же. S. 122].

Центральной для философии Ницше Элер видит гераклитову онтологию становления. Для описания структуры гераклитова становления в его прочтении Ницше Элер выдвигает следующие тезисы, суммирующие позиции Ницше в ФТЭ:

- (1) Становление представляет собой взаимное движение противоположностей.
- (2) Становление происходит по принципу агональности.
- (3) Становление имеет физический смысл как пульсация огня.
- (4) Становление носит внетелеологический характер.

Эти четыре тезиса актуальны и для современных интерпретаций.

Иллюстрируя первый тезис, Элер проводит аналогию между «кувшином» Гераклита и кувшином Заратустры, цитируя раздел ФТЭ о Гераклите: «Мед, по словам Гераклита, одновременно и горек и сладок, а весь мир – кувшин со смесью, который постоянно надо взбалтывать» [Ницше, 2009. С. 324]. Элер отмечает, что этот гераклитовский взгляд перекликается с «Так говорил Заратустра» [Oehler, 1904. S. 64]. В связи с последними словами Элер также приводит замечание, которое Ницше сделал уже в 1871–1872 годах: «Использование вредного для полезного идеализируется в мировоззрении Гераклита» [Там же]². Таким образом, Элер обозначает гераклитовскую тему противопотока становления, которую можно считать онтологическим ферментом антидиалектики Ницше и которая занимает важное место в более поздних интерпретациях.

Принцип агональности предполагает справедливую состязательность становления³: «Подобно тому как вступает в борьбу каждый грек, как будто прав лишь он один, и неоспоримое судебское решение в каждый момент определяет, куда склоняется победа, так же точно борются между собой качества по нерушимым законам и мерам, имманентным самой борьбе. Сами вещи, в постоянство и устойчивость которых верит узость человеческого и звериного сознания, не имеют никакого собственного существования – они лишь блеск и сверкание обнаженных мечей, вспышка победы в борьбе противоположных качеств» [Ницше, 2009. С. 325].

С физической точки зрения становление представляется Гераклиту Ницше динамикой пульсирующего огня: «...то, что он придумал – редкость, даже в этом царстве мифических невероятностей и неожиданных космических метафор. Мир есть игра Зевса, или, выражаясь физически, игра огня с самим собой; только в этом смысле одно – многое» [Там же. С. 327]. Так Ницше приходит к обсуждению физических основ философии значения огня для Гераклита, что, в свою очередь, приводит Элера к рассмотрению становления в физическом смысле как основы ницшевской концепции вечного возвращения. Элер, анализируя концепцию вечного возвращения в античной философии, приходит к выводу, что становление и вечное возвращение для Ницше неразрывно связаны [Oehler, 1904. S. 140], и утверждает, что гераклитовская пульсация вечного огня связана с позднейшей доктриной Ницше о вечном возвращении [Ibid. S. 160].

Помимо основной онтологической экспозиции вопроса *Werden* Элер останавливается на проблеме персонализма у Ницше и Гераклита [Oehler, 1904. S. 119], а также обращает внимание на стилистическое родство афористических высказываний двух философов [Ibid. S. 124]. Обращая внимание на оценку важности Гераклита самим Ницше, когда тот говорит о «высоком почтении» к Гераклиту, Элер замечает, что «всякий, кто знает, как Ницше обычно судил о философах в свои последние годы, сможет понять, что означало выражение “высокое почтение” по отношению к философу в устах позднего Ницше» [Ibid. S. 123].

² Элер дает ссылку на W. IX, 290. Это фрагмент 16 [18] от 1871 года.

³ В этом и некоторых других местах Элер практически дословно использует текст ФТЭ Ницше без указания цитат. См.: Oehler, 1904. S. 65.

Таким образом, работа Элера представила первое обширное рассмотрение рецепции Гераклита Ницше. Формулируя тему диссертации как «Ницше и досократики», Элер неизбежно во второй части (с. 118–168) уделяет внимание в основном Гераклиту. При этом в работе можно обнаружить и ряд существенных недостатков, в том числе использование в качестве базы источников преимущественно черновых фрагментов Ницше (Nachlass), и тенденцию к пересказу основных положений Ницше о Гераклите во ФТЭ с редким использованием главного источника – лекций Ницше о доплатоновских философах.

II. Конец 1910-х – начало 1930-х гг.:

Эрнст Бертрам и Альфред Боймлер

В течение примерно 15 лет после выхода работы Элера появляются несколько книг и статей, затрагивающих вопрос об интерпретации идей Гераклита у Ницше. В частности, это книга неокантианца Алоиса Рихля (1908) [Riehl, 1908], в которой Гераклит упоминается вскользь, влиятельная статья Вильгельма Нестле (1912) [Nestle, 1912], в основном посвященная Гераклиту, а также работа Карла Рейнхардта (1916) [Reinhardt, 1916]. Кроме того, в 1908 году выходит написанная Максимилианом Мюгге англоязычная интеллектуальная биография Ницше, в которой он назван «современным Гераклитом» [Mügge, 2017. P. 289].

Отдельно стоит остановиться на работе Эрнста Бертрама «Попытка мифологии» (1919) [Bertram, 2009]. Бертрам, как и Элер, видит в идее становления ядро мышления Ницше, однако понимает ее как немецкое становление, интересуясь в первую очередь возможностью приложения идей Ницше к истории и культуре Германии. Основываясь на ФТЭ, Бертрам, в отличие от Элера, гораздо меньше использует фрагменты и совсем не обращается к лекциям. В одном месте своей книги Бертрам рассматривает структуру становления как борьбу противоположностей [Ibid. P. 85–86], но в целом замещает анализ идеи становления культурно-исторической критикой.

Изучая языковой вопрос значимости понятия данной нам действительности (*Wirklichkeit*) для Ницше, в противоположность реальности (*Realität*), и ее семантическую опору на действие (*Wirkung*), Бертрам выводит отсюда тезис о немецком характере становления – в противоположность латинским языкам [Ibid. P. 58]. Таким образом, для него становление – это немецкое бытие, укорененное в изменчивости, та самая основа, суть взгляда Ницше, причем немецкое бытие как становление противостоит всеевропейскому статичному бытию [Ibid. P. 59–60 и далее].

Достаточно подробно Бертрам останавливается на ницшевской идее космодицеи через справедливость в связи с образом Прометея у Эсхила и с философией Гераклита. Бертрам приходит к утверждению, что справедливость борьбы многих и есть квинтэссенция становления, метафизики Ницше и Гераклита. Из представления о мире как о месте радостной битвы, в которой «кажется, что сами судьи сражаются, а судят сами борцы», из этого восприятия единой господствующей справедливости Гераклит Ницше осмеливается сформулировать «еще более высокую интуицию», положение первой философии тождества: «Столкновение многих само по себе есть одна справедливость!» [Ibid. P. 85–87].

В целом Бертрам достаточно подробно рассматривает гераклитовы корни философии Ницше, выявляя ряд примечательных особенностей. Бертрам обращает внимание на то, что стилистический пиетет к Гераклиту является практически исключительным для Ницше [Ibid. P. 56]. Также в большей степени, чем у Элера, раскрывается и персоналистская тема близкой самоидентификации Ницше с Гераклитом [Ibid. P. 56]. Более того, Гераклита в трактовке Ницше Бертрам рассматривает как форму сверхчеловека [Ibid. P. 174]. Наконец, Бертрам цитирует пассаж из «Доплатоновских философов» по поводу Гераклита и Гельдерлина и впервые обращает внимание на Гельдерлина в контексте Гераклита Ницше [Ibid. P. 22]. Однако основной ницшевский вопрос о становлении преобразован в культурно-историческую плоскость в духе гегелевской философии истории, кроме того, Бертрам впервые интерпретирует ницшевское становление как бытие, что можно считать началом метафизической трактовки *Werden*.

Если в 1920-х гг. не появилось заслуживающих внимания интерпретаций философии Ницше, уделяющих внимание его взгляду на Гераклита, то в 1930-е гг. ситуация уже была совершенно иной. Первой в ряду публикаций была вышедшая в 1931 г. книга Альфреда Боймлера [Baeumler, 1951], содержащая главу «Die Heraklitische Welt» (S. 59–79), в которой Боймлер отмечает единство и связность философии Ницше⁴, однако трактует Ницше политически с точки зрения метафизики воли к власти. При этом он довольно подробно рассматривает параллелизм гераклитовского учения о борьбе и справедливости с учением Ницше. В целом, несмотря на национал-социалистическую ориентированность философии Боймлера, его интерпретация философии Ницше оказала влияние не только на Хайдеггера, но и на Ясперса и Лёвита.

III. Карл Ясперс

Карл Ясперс в книге «Ницше» (1936) [Ясперс, 2004] предлагает целостное экзистенциальное толкование ницшевской философии, основанное на приоритете личностного поиска, осмысливания бытия в каждом вот-бытии [Там же. С. 453–454]. Ясперс смотрит на Ницше уже сквозь призму собственной философии, формулируя исходный вопрос Ницше через *Dasein*. На примере Ясперса, рассмотрев его интерпретацию ницшевско-гераклитовского становления через «вот-бытие» [Там же. С. 453–498], можно проследить и некоторые последствия недостаточного внимания к Гераклиту.

Рассматривая концепцию становления (*Werden*), Ясперс полагает, что Ницше при прочтении Гераклита выдает свое понимание становления за гераклитово. Как и Элер, Ясперс выделяет следующие характеристики становления: противоположность в состязании, справедливость (агональность) и невинность (внетелеологический статус) становления. В отличие от Элера, Ясперс не придает отдельного значения физической (а значит, находящейся вне *Dasein*) стороне становления и вместо этого предлагает тезис о «мышлении о необходимости» становления [Там же. С. 473]. По поводу последнего нет отдельного пояснения,

⁴ «<...> мы вполне можем использовать отрывки о Гераклите из фрагмента «Философия в трагическую эпоху греков» для толкования воли к власти» [Baeumler, 1951. S. 63].

но можно предположить, что речь идет о космодичее и оправданности становления (как отмечено у Бертрама).

В вопросе о становлении Ясперс продолжает метафизическую трактовку становления, начатую Бертрамом, полагая, что для Ницше «непрестанное становление <...> и есть единственное действительное бытие. У становления нет цели, к которой в конце оно позволило бы прийти. Оно не видимость. В целом его невозможно обесценить. Оно есть то, что есть, и ничего кроме этого» [Там же]. Таким образом, Ясперс формулирует становление с точки зрения бытийного вопрошания *Dasein*. В вопросе становления для Ясперса становление «есть», т. е. представляет форму бытия для вот-бытия, что позволяет отнести Ясперса в один лагерь и с Хайдеггером в данном вопросе.

Рассматривая становление таким образом, Ясперс выделяет три его особенности у Ницше: немыслимость становления при жизненной необходимости бытия, трансцендирование бытия через философию становления, экзистенциальный смысл преодоления становления [Там же. С. 474]. В первом свойстве Ясперс, в основном опираясь на фрагменты из «Воли к власти», обосновывает несовместимость осознания становления с возможностью человеческой жизни и полагает, что жизнь всегда определяет «горизонт» бытия, т. е. схватывает стабильность определенного рода: в противном случае жизнь и познание немыслимы. О втором свойстве Ясперс утверждает, что «становление, хотя и немыслимо, все-таки есть само бытие; бытие же для нас есть истолкование, которое жизнь (воля к власти) так или иначе произвела для себя в качестве своего условия» [Там же. С. 475]. Поскольку вопрос о становлении задан с позиции бытия, Ясперс не может дать другого удовлетворительного ответа, кроме как предположить, что для Ницше по ту сторону становления должен быть некий бытийный остаток, «*подлинное для него бытие, которое не является только становлением*» [Там же. С. 476]. Таким подлинным бытием, по Ясперсу, является для Ницше в онтологической экспозиции *вечное возвращение*, а в познавательной экспозиции – как продукт *воли к власти*, «закрепления своей мыслимости как знание о вещах в мире» [Там же]. Наконец, в-третьих, по мнению Ясперса, мышление о становлении выступает как трансформирующий вот-бытие процесс, приводящий к экзистенциальному состоянию *amor fati*.

Рассматривая *Werden* с точки зрения развития собственной философской мысли, Ясперс, в противоположность Элеру, упускает из виду физикалистский аспект *Werden* и значимость интуитивного постижения *Werden*. Поскольку становление у Ницше и Гераклита в физикалистском плане нейтрально с точки зрения субъекта знания, а интуитивная эпистемология предостерегает от логического анализа, то и стройные концептуальные построения вокруг становления не могут быть ницшевскими, о чем Ясперс даже сожалеет как о невозможности: «Объемлющее учение о становлении не способно к мысленному развитию, ибо всякая мысленная определенность означает истолкование и потому вновь охватывало бы то или иное стабильное бытие. <...> Как же быть, если философ, не смотря на это желает понять становление как бытие в его истинности?» [Там же. С. 475].

IV. Карл Лёвит

Карл Лёвит в книге «Философия вечного возвращения Ницше» (1935) [Lowith, 1997] выводит интерпретацию гераклитовской философии Ницше на новый уровень. Во-первых, Лёвит полагает, что ницшевские ранние «филологические труды, особенно по философии Гераклита, а также философская переработка их для намеченной работы по досократовской философии уже содержат все основные черты его учения, возникшие десятью годами позже» [Там же. Р. 115]. Таким образом, Лёвита можно считать приверженцем тезиса о последовательности философии Ницше, а интерпретация ницшевского понимания Гераклита помогает ему подкрепить этот тезис.

Следующее утверждение касается единства философа и логоса как основы ницшевской дионисийской философии, почерпнутой у Гераклита. Это утверждение можно назвать тезисом о «персонализме» Ницше, о единстве философа и знания в философской практике. Постигание мудрости недоступно через логическое познание, оно достигается через слияние: «Мудрец един с логосом, как дионисийская философия Ницше едина с самим Дионисом-философом» [Там же. Р. 118]. Закольцованным, бегущим по орбите вечного возвращения представляется и философский путь Ницше в прочтении Лёвита: «Последняя проблема его учения существовала с самого начала и относится к тем проблемам, относительно которых мыслитель не меняет своего мнения, а лишь узнает все, что можно узнать... То, о чем учение Ницше уже заявляет намеками в 1872 году в образе Гераклита и окончательно десять лет спустя в “Заратустре”, предварительно изложено в рассуждениях 1862 года» [Там же. Р. 122].

Следующий новый тезис Лёвита касается научности, возможности физического обоснования вечного возвращения. Вечное возвращение, по Лёвиту, имеет двойную природу – как физический и как экзистенциальный феномен. С одной стороны, утверждает философ, вечное возвращение – это космологическая теория с длинной и насыщенной историей, которую он прослеживает, по крайней мере, до Гераклита. Однако во всех своих формулировках Ницше, согласно Лёвиту, предполагает, что конечному числу состояний мира суждено развернуться во времени, которое бесконечно, а не конечно. Следовательно, учитывая конечное число возможных состояний мира и бесконечность времени, любое отдельное состояние мира должно повториться. Более того, оно должно вечно повторяться. В то же время предложенное Ницше описание вечного возвращения содержит в себе императив, а именно предписание жить так, чтобы вы с радостью желали вечного повторения своей жизни, без изменений или исправлений, снова и снова.

Таким образом, Лёвит выстраивает тезис о философии вечного возвращения у Ницше через его связь с Гераклитом: «Доктрина Ницше выражает предельное соединение мира становления с миром бытия, поскольку посредством вечного возвращения того же самого элеатского бытия переходит в гераклитовское становление» [Там же. Р. 170]. Лёвит идет еще дальше в интерпретации вечного возвращения, отождествляя самого Ницше, Гераклита, Заратустру и Диониса как чуть ли не идентичные случаи мудрецов, соединившихся с колесом становления: «То, на что Ницше как классический филолог впервые указывает с помощью Геракли-

та, в точности совпадает с тем, чему он позже учит под именем Диониса» [Там же. Р. 213].

При этом Лёвит, определяя мысль о бесконечности времени, неожиданно демонстрирует и проблему метафизики становления Ницше при такой и подобных ей экспозициях вечного возвращения. Если полагать, как это делает Лёвит, что вечное возвращение у Ницше обусловлено бесконечностью времени при конечности материи [Там же. Р. 89–90], то время оказывается метафизическим «остатком»: субстратом или эссенцией. Эта проблема будет детально исследована лишь в ницшеведческих публикациях последних лет⁵.

V. Мартин Хайдеггер

Как следует из вышесказанного, к моменту, когда Хайдеггер в лекциях (1936–1940 гг.) обращается к теме Гераклита у Ницше, в немецкой философской критике уже сформирована традиция исследований этой темы. В прочтении Ницше Хайдеггер опирается в основном на черновые фрагменты *Nachlass*, в том числе на записи 1881 г. и компиляцию черновых фрагментов, опубликованных сестрой Ницше как «Воля к власти».

Как и Ясперс, Хайдеггер приступает к интерпретации метафизической позиции у Ницше через бытийный предикат: «Вопрос о том, что есть сущее, предполагает поиск бытия этого сущего. Для Ницше всякое бытие есть становление. Однако это становление обладает характером действия и деятельности воления. Воля же, по своей сути, есть воля к власти» [Хайдеггер, 1, 2006. С. 12]. По этой причине Хайдеггер, в отличие от своего ученика Лёвита, существенным образом искажает (апроприрует) прочтение становления у Ницше.

Хайдеггер отталкивается от необходимости соотнести друг с другом ницшевские понятия вечного возвращения, воли к власти и становления. Для него «мыслить бытие, волю к власти как вечное возвращение, продумывать эту тяжелейшую мысль философии – значит мыслить бытие как время» [Там же. С. 23]. Воля к власти у Хайдеггера выступает как бытие сущего в текущем моменте, в то время как вечное возвращение служит проекцией этого бытия во времени, и эти две проекции вместе представляют синхронную и диахронную экспозиции становления. Хайдеггер полемизирует с Боймлером, для которого метафизика воли к власти как движущее колесо становления противоречит идее вечного возвращения, что подводит Боймлера к требованию признать вечное возвращение «египтизацией» становления в смысле религиозной доктринации ницшевской метафизики [Baumler, 1951. S. 82]. Для Хайдеггера же оба учения представляют метафизическое единство.

Хайдеггер уже в период чтения лекций о Ницше в конце 1930-х гг. разрабатывает собственное диалектическое прочтение становления Гераклита как самораскрытия и самосокрытия сущего. Согласно этому прочтению, близость Ницше и Гераклита является, с одной стороны, поверхностной, а с другой стороны, нерелевантной с философской точки зрения. А в лекциях о Гераклите 1943–1944 гг. Хайдеггер вообще упрекает Ницше в развале метафизики и глубоком непонима-

⁵ Только у Тонса и Мандалиоса [Tones, 2015] будет предложено первое для нее решение.

нии Гераклита. В силу диалектического чтения Гераклита для Хайдеггера оказывается, что «тот факт, что на протяжении всей жизни и уже довольно рано, когда Ницше еще исполнял обязанности профессора классической филологии в Базеле, он “знал” Гераклита и ценил его выше всех остальных, представляет лишь исторический интерес» [Хайдеггер, 1, 2006. С. 437]. Даже предположение о родстве вечного возвращения Ницше с пульсирующим огнем Гераклита отталкивает Хайдеггера: «Мысль о возвращении не является гераклитовой в обычном философско-историческом смысле, однако она, хотя и не по-гречески, мыслит сущность прежде спроецированной сущности (постоянства присутствования), мыслит ее в ее безысходном, в себе замыкающемся свершении» [Хайдеггер, 2, 2006. С. 9]. Таким образом, для Хайдеггера гегелевская диалектика оказывается ближе к Гераклиту по духу, чем ницшевская онтология.

Вопрос о *pánta ῥεῖ*, или физикалистском измерении становления, Хайдеггер естественным образом почти обходит стороной. Для него это тезис, ошибочно почерпнутый Ницше от Гераклита⁶. Поскольку Хайдеггер не обращает внимания и на *intuitive Vorstellung* как на познавательный модус Гераклита Ницше, предпочитая рассматривать и Ницше, и Гераклита через собственный бытийствующий интерпретационный метод, то и ценности в утверждении немедленного, интуитивного восприятия становления он не видит, воспринимая *pánta ῥεῖ* исключительно как философскую банальность: «Ведущее представление о непрестанно становящемся выдерживается в смысле обычного представления о *pánta ῥεῖ*, вечном течении вещей, представления, которое и Ницше вместе с расхожей традицией ошибочно возводит к Гераклиту; было бы правильнее назвать его псевдогераклитовым» [Хайдеггер, 1, 2006. С. 301].

Характерный эссенциализм Хайдеггера проявляется как в трактовании становления, так и в вопросе о воле к власти. В первом случае Хайдеггер говорит, что «сущность сущего есть становление, но становящееся есть и имеет бытие только в созидающем преображении. Сущее и становящееся едины в основной мысли, согласно которой становящееся есть, поскольку оно *становится в сущем и существует в становлении*» [Там же. С. 402]. Во втором случае он, опираясь на черновые фрагменты Ницше, определяет глубочайшую суть воли к власти: «...в своей *глубочайшей* сущности воля к власти есть не что иное, как опостоянивание становления в присутствии» [Там же. С. 569].

При этом важно отметить, что Хайдеггер находит и описывает важную проблему ницшевского становления как стабильной оптики. Этой проблемой при прочтении становления как предиката ницшевской онтологии совместно с доктриной о вечном возвращении становится именно *вечность* возвращения, которая в греческом смысле и означает бытие. Доктрина вечного возвращения, по Хайдеггеру, означает обытийствование становления, осмысление становления в предикате бытия и вечности: «...учение Ницше характеризуется как “освобождение от вечного течения”. Речь идет не об упразднении становления и застывании, а об освобождении от одного лишь бесконечного “и так далее всегда”. Становление сохраняется как становление, и все же в это становление привносится постоянство, то есть, в греческом понимании, бытие» [Там же. С. 352].

⁶ Этот тезис был распространен в гераклитоведении; подробнее см.: Кирк и Равен [Kirk, 1957].

Таким образом, на интерпретацию Гераклита Ницше у Хайдеггера, в силу характерности хайдеггеровского чтения в целом, сегодня интересно смотреть с точки зрения того, на что он не обратил внимания. Хайдеггер фокусируется на интерпретации становления как метафизики вечного возвращения и воли к власти, при этом не упоминая ницшевский персонализм, необходимо предшествующий возможности экзистенциальной трактовки Гераклита у Ницше. Назначение философствования и роль философа, роль личности философа, самоидентификация Ницше с Гераклитом – все это не привлекает Хайдеггера. Он также упоминает гераклитовский фрагмент В52 [Там же. С. 288], но не разрабатывает игровую интерпретацию сущего как нечто значимое и служащее внутренней связи между Ницше и Гераклитом. Не упоминает Хайдеггер и об интуитивном познании, что приближает его позицию к ясперсовской: для подобных интерпретаций Ницше тезис об интуитивном познании, как и о физикалистской стороне становления, не представляет интереса и, более того, даже является проблемой.

Выводы

Интерпретации роли Гераклита в философии Ницше посвящен значительный объем ранних исследований 1890-х – 1930-х гг. В этот период связь Ницше и Гераклита считалась вполне очевидной, хотя не все исследователи придают ей большую значимость. Среди последних выделяются неокантианцы, в том числе Алоис Риль, который в монографии о Ницше упоминает Гераклита несколько раз мимоходом (1908) [Riehl, 1908]. Аналогичный подход можно встретить у Ганса Файхингера (1902) [Vaihinger, 1905].

Внимание к рецепции Гераклита Ницше можно связать с позицией интерпретаторов по поводу метафизики у Ницше. Авторы, которые полагают, что Ницше занимает метафизическую позицию (например, метафизика становления или воля к власти), склонны «не преувеличивать» роль Гераклита у Ницше, признание которой может стать неудобной при такой интерпретации. Ведь «гераклитство» Ницше – это как раз его поиск «дометафизического» языка. Примером метафизической интерпретации можно считать работу Хайдеггера, хорошо осведомленного об объеме гераклитовских исследований Ницше в *Nachlass*, но при этом утверждавшего, что гераклитство Ницше малозначимо, а прочтение Ницше Гераклита неверно.

В то же время интерпретаторы, внимательно относившиеся к Гераклиту у Ницше, не спешили постулировать наличие метафизики у Ницше. Карл Лёвит, например, видит, что Ницше многое почерпнул у Гераклита непосредственно, и специально обращается к базельским лекциям о Гераклите, отмечая места и аргументы, недоступные в других источниках, в том числе говорит о попытках Ницше осуществить естественнонаучное обоснование вечного возвращения, опираясь на Гераклита. Это позволяет Лёвиту обнаружить то непосредственное, внесубъектное в становлении, что дает возможность избежать чрезмерно субъективистской трактовки становления, присущей Ясперсу.

Связанной с метафизической позицией оказывается одновременно и приверженность тезису о последовательности (*continuity thesis*) Ницше. Например, «веч-

ное возвращение» у Лёвита означает не только онтологический тезис, но и возвращение самого Ницше к тому же самому – от ранних работ о Гераклите 1872 года до последних работ 1888 года. С другой стороны, относительное безразличие к «гераклитству» Ницше выглядит важным условием для формулирования интерпретации, утверждающей наличие разрывов в ницшевской философской позиции.

Наконец, ряд интерпретаторов рассматривает Ницше с позиций собственной философии, из-за чего роль Гераклита вновь оказывается малозначимой. Так, Хайдеггер и Ясперс полагают, что Гераклит в рецепции Ницше имеет очень отдаленную связь с оригинальным Гераклитом. Для Лёвита и Элера роль Гераклита у Ницше, напротив, в значительной мере повышается. Элер в своей книге как бы неожиданно сужает «воронку» интерпретации: начиная с проблем Ницше и досократиков в целом, он приходит к неизбежному подробному рассмотрению Гераклита как важнейшей части рецепции досократиков у Ницше. При этом в ранней работе Элера обнаруживается ряд недостатков, по причине которых необходимо новое целостное рассмотрение рецепции Гераклита у Ницше с позиции современных подходов и новых источников.

Список литературы

- Ницше Ф.** Философия в трагическую эпоху Греции // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Ч. 1. М., 2012. С. 301–366.
- Ницше Ф.** Ессе Номо // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. М., 2009. С. 185–284.
- Хайдеггер М.** Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
- Хайдеггер М.** Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 2. 464 с.
- Ясперс К.** Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. 632 с.
- Andreas-Salomé, L.** Friedrich Nietzsche in seinen Werken. In: *Annalen der Philosophie Und Philosophischen Kritik*. 1925. Bd. 5. No. 2, p. 34.
- Baeumler, A.** Nietzsche der Philosoph und Politiker. Leipzig, 1951, 182 s.
- Bertram, E.** Nietzsche: Attempt at a Mythology. University of Illinois Press, 2009.
- Binswanger, L.** Heraklits Auffassung des Menschen. In: *Die Antike*. 1935. Bd. XI, ss. 1–38.
- Cancik, H.** Philolog und Kultfigur / H. Cancik, H. Cancik-Lindemaier. J.B. Metzler, 1999, 302 s.
- Diels, H.** Herakleitos von Ephesos, griechisch und deutsch. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.
- Kirk, G. S.** The Presocratic Philosophers / G.S. Kirk, J.E. Raven. Cambridge: University Press, 1957.
- Knight, A. H. J.** Some Aspects of the Life and Work of Nietzsche. Cambridge: The University Press, 1933.
- Lowith, K.** Nietzsche's Philosophy of the Eternal Recurrence of the Same. University of California Press, 1997.
- Mügge, M. A.** Friedrich Nietzsche, His Life and Work. Andesite Press, 2017. 462 p.

- Nestle, W.** Friedrich Nietzsche und die griechische Philosophie. In: *Neue. Jahrbücher für das klassische Altertum* 30. 1912, ss. 554–584.
- Nietzsche, F.** Heraklit. In: *Die Zukunft*. Bd. 3. 1894, ss. 201–207.
- Oehler, R.** Friedrich Nietzsche und die Vorsokratiker. Leipzig: Dürr, 1904. VIII. 168 s.
- Reinhardt, K.** Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. Bonn: Friedrich Cohen, 1916.
- Riehl, A.** Der philosophische kritizismus: geschichte und system. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1908.
- Ruedorffer, J. J.** Nietzsche und die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen. 1934.
- Sommer, A. U.** Friedrich Nietzsche als Basler Vorlesungen. In: *Philosophie in Basel*. Basel: Schwabe, 2011, ss. 32–60.
- Tones, M.** Nietzsche's actuality: Boscovich and the extremities of becoming / M. Tones, J. Mandalios. In: *The journal of Nietzsche studies*. Vol. 46. University Park, PA. 2015. No. 3.
- Vaihinger, H.** Nietzsche als Philosoph. Berlin: Reutner, 1905, ss. 53–54.

References

- Andreas-Salomé, L.** Friedrich Nietzsche in seinen Werken. In: *Annalen der Philosophie Und Philosophischen Kritik*. 1925. Bd. 5. No. 2, p. 34.
- Baeumler, A.** Nietzsche der Philosoph und Politiker. Leipzig, 1951, 182 s.
- Bertram, E.** Nietzsche: Attempt at a Mythology. University of Illinois Press, 2009.
- Binswanger, L.** Heraklits Auffassung des Menschen. In: *Die Antike*. 1935. Bd. XI, ss. 1–38.
- Cancik, H.** Philolog und Kultfigur / H. Cancik, H. Cancik-Lindemaier. J.B. Metzler, 1999, 302 s.
- Diels, H.** Herakleitos von Ephesos, griechisch und deutsch. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.
- Heidegger, M.** Nietzsche. Tom 1 [Vol. 1]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 608 p. (In Russ.)
- Heidegger, M.** Nietzsche. Tom 2 [Vol. 2]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 464 p. (In Russ.)
- Jaspers, K.** Nietzsche. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya [An Introduction to Understanding his Philosophizing]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004, 632 p. (In Russ.)
- Kirk, G. S.** The Presocratic Philosophers / G.S. Kirk, J.E. Raven. Cambridge: University Press, 1957.
- Knight, A. H. J.** Some Aspects of the Life and Work of Nietzsche. Cambridge: The University Press, 1933.
- Lowith, K.** Nietzsche's Philosophy of the Eternal Recurrence of the Same. University of California Press, 1997.
- Mügge, M. A.** Friedrich Nietzsche, His Life and Work. Andesite Press, 2017. 462 p.
- Nestle, W.** Friedrich Nietzsche und die griechische Philosophie. In: *Neue. Jahrbücher für das klassische Altertum* 30. 1912, ss. 554–584.

- Nietzsche, F.** Heraklit. In: Die Zukunft. Bd. 3. 1894, ss. 201–207.
- Nietzsche, F.** Filosofiya v tragicheskuyu epokhu Grekov [Philosophy in the Tragic Era of the Greeks]. In: Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij [The complete works]: v 13 t. [in 13 vol.]. Tom 1 [Vol. 1]. Chast' 1 [Part 1]. 2006. P. 301–366. (In Russ.)
- Nietzsche, F.** Ecce Homo. In: Nietzsche F. Polnoe sobranie sochinenij [The complete works]: v 13 t. [in 13 vol.]. Tom 6 [Vol. 6]. 2009. P. 185–284. (In Russ.)
- Oehler, R.** Friedrich Nietzsche und die Vorsokratiker. Leipzig: Dürr, 1904. VIII. 168 s.
- Reinhardt, K.** Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. Bonn: Friedrich Cohen, 1916.
- Riehl, A.** Der philosophische Kritizismus: geschichte und system. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1908.
- Ruedorffer, J. J.** Nietzsche und die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen. 1934.
- Sommer, A. U.** Friedrich Nietzsche als Basler Vorlesungen. In: *Philosophie in Basel*. Basel: Schwabe, 2011, ss. 32–60.
- Tones, M.** Nietzsche's actuality: Boscovich and the extremities of becoming / M. Tones, J. Mandalios. In: *The journal of Nietzsche studies*. Vol. 46. University Park, PA. 2015. No. 3.
- Vaihinger, H.** Nietzsche als Philosoph. Berlin: Reutner, 1905, ss. 53–54.

Информация об авторе

Бисеров Глеб Владимирович

Аспирант, стажер-исследователь, Институт философии РАН

Information about the Author

Gleb V. Biserov

Postgraduate student, research assistant, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редколлегию 07.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022
The article was submitted 07.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022